

The background is a painting. It depicts a person from behind, wearing a vibrant blue coat and dark trousers, standing in a lush green field. The person is looking towards a bright, hazy horizon. The sky is a deep blue with soft, white clouds. A single yellow butterfly is visible in the upper left corner. The overall style is impressionistic, with visible brushstrokes and a rich color palette.

Виктор Шляхин

Тщеславные мечты

проза и поэзия

Виктор Шляхин
Тщеславные мечты (сборник)

«Издательские решения»

2015

Шляхин В.

Тщеславные мечты (сборник) / В. Шляхин — «Издательские решения», 2015

Иногда мои эмоции – это только композиция тени и цвета на рисовальном листе. А иногда я венчаю поэзию с мелодией гитарных струн. В конце концов, стихи – это тоже картина, нарисованная словами, музыка, записанная словами. В книгу вошли большинство прозаических и стихотворных произведений, написанных в 1990—2015 годах.

© Шляхин В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Проза	6
Эвтаназия	6
Амаранта	8
Последний март	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тщеславные мечты
проза и поэзия
Виктор Шляхин

© Виктор Шляхин, 2015

© Виктор Геннадьевич Шляхин, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Проза

Эвтаназия

За собственным криком он уже не различал другие звуки. Инъекция, кратковременное забытие, прерывистый сон – и опять напряжение опухших, воспаленных голосовых связок, переходящее в утробный, первобытный стон, также громко отражающийся внутри черепной коробки и приумножающий невыносимую боль. Слезающимися глазами он следил за секундной стрелкой, медленно отсчитывающей бесконечность, бесконечность страдания. Солнечный луч, проникший через щель между шторами, будто издеваясь, полоснул по сжавшимся в точку зрачкам. В комнату вошла тень. На ее лице, наверное, уже навсегда застыла маска милосердия, такая полуулыбка, полугримаса, плотно сжатые, растянутые губы и безнадежно бесцветные глаза. Волосы были спутаны и неопрятны. В руках она держала чашку с клюквенным морсом.

– Попей немного, – раздался хрустящий шепот.

В этих словах не было ничего, кроме усталости и привычки. Он разорвал спекшиеся губы и сделал глоток. Острые невидимого осинового кола пошло снизу вверх по телу, навстречу каплям горячего напитка. Он попытался дотронуться до ее руки, но не смог. Уже восемь месяцев, как она ушла с работы и проводила нестерпимо долгие дни на дороге из кухни в спальню и обратно.

В комнату заглянул сын. Как обычно, с испугом посмотрел на лежащего, скорчившись от боли, отца и тихо спросил:

– Можно я съем тот кусочек хлеба, что принесла тетя Галя?
Мать еле заметно кивнула головой.

Они уже не раз говорили об этом, поэтому, увидев в ее руках большой двадцатикубиковый шприц, он впервые за последние полгода изобразил на лице подобие улыбки.

– Давай смелее!

Сотрясаемая чужой дрожью игла погрузилась в зеленовато-фиолетовую вену. Сильное жжение начало разливаться по предплечью, на затмевая, а как бы оттеняя основную боль. Дыхание стало неровным, в глазах засуетились разноцветные мотыльки.

– Спасибо! – сказал он.
– Прости меня! – ответила она.

Его лодка уже плыла по скрытому кронами платанов каналу.. Три стрижа с треском пронесли над самой водой. По набережной, наравне с лодкой двигалась черная карета. Лошади мерно стучали копытами по камню, но этот цокот то приближался, то удалялся. В какой-то момент ветер донес веселые детские голоса и звон разбитой бутылки. А впереди разрастался огромный радужный пузырь с ослепительными белыми прожилками. Внезапно шар лопнул и выплеснул кипящий рассол боли.

Немного приоткрыв глаза, он тут же зажмурил их. Солнечный луч прицельно и ярко бил по лицу, соскабливая остатки пятиминутного сна. Скорее даже это был обморок, безжалостно изнасиловавший надежду на избавление от боли. На самом деле не было ни шприца с завышенной дозой лекарства, ни конца фонтанирующего страдания.

Она все еще сидела на краю кровати, прижимая к себе практически полную чашку с клюквенным морсом. Ее взгляд, онемевший и жалкий, сверлил стену. Едва заметно подрагивало правое веко. Скрючившись в ногах матери, маленький мальчик грыз зеленовато-черную корку. Жизнь продолжалась...

2003 г.

Амаранта

Так получилось, что родителям Амаранты Пансо пришлось бежать из франкистской Испании в Советский Союз, где она и выросла в красивую девушку, окончила институт, а потом долгое время работала агрономом в колхозе «Большевик». Домик, выделенный «комрадам» – беженцам, был маленький, но уютный. Две козы, куры, собака – вот и все, что составляло имущество семьи Пансо на их новой родине.

Личная жизнь Амаранты в России не сложилась. В тридцать лет она похоронила сначала отца, а потом – истосковавшуюся мать и продолжала вести нехитрое хозяйство.

В тот день она отправилась в сельпо за хлебом. Привычно оглядев витрину, украшенную горкой консервных банок «Завтрак туриста» и бутылками с уксусной эссенцией, Амаранта вошла в магазин. Стая мух с недовольным жужжанием взметнулась с сиротливого куска колбасного сыра, лежавшего на прилавке.

Продавщица, дородная тетка в грязно-сером халате, выложила перед Амарантой пять буханок. Амаранта поправила выбившиеся на волю из-под платка антрацитовые кудри, взяла хлеб и вышла на улицу. Она не сразу обратила внимание на стоящую в тени ветлы черную «Волгу».

– Девушка, хлеб свежий? – молодой человек в белой рубашке с коротким рукавом, улыбаясь, вышел из машины и пошел ей навстречу.

«Городской» – отметила про себя Амаранта, обратив внимание на аккуратную стрижку и отутюженные черные брюки явно не местного пошива.

– Давайте мы Вас подбросим до дома!

– Мне тут близко, спасибо, не стоит! – ответила Амаранта, а сама подумала, что парень существенно отличается от ее знакомых мужиков, традиционно грубых и также традиционно пьяных.

– Ну что Вы, садитесь! – «Волга», за рулем которой сидел другой молодой человек, подъехала к Амаранте и перед ней галантно распахнулась задняя дверца.

Амаранта села в машину, рядом с ней пристроился незнакомец в белой рубашке. Вопреки ожиданиям, никто не спросил, куда ехать, лишь мотор взвыл, набирая обороты и унося Амаранту прочь от деревни. Амаранта, от страха захлебываясь словами, просила остановить машину и выпустить ее.

– Лёнь, держи ее, а то еще чего доброго, выпрыгнет на ходу, потом объясняйся, – огрызнулся, не поворачивая головы, водитель.

Парень в белой рубашке крепко сжал руки девушки и несильно ударил ее по лицу:

– Меня зовут Леонид. Веди себя хорошо!

Крик провалился в похолодевшие внутренности Амаранты.

«Волга» остановилась у одиноко стоящего на лесной опушке дома. Лёня втолкнул трясущуюся девушку в незапертую дверь. Вскоре зашел и водитель. Быстро оглядевшись, он достал из-за пазухи бутылку коньяка. На грязном столе посреди тесной комнаты стояли мутные, невымытые стаканы.

– Времени мало, разливай! – скомандовал Леонид.

Бурая жидкость вытекла в три ближайших стакана.

– Пей, девочка, пей! – водитель буквально стукнул стеклом по зубам Амаранты.

В странном оцепенении и смирении она проглотила содержимое, не почувствовав ни вкуса, ни запаха.

Затрещало по швам платье.

Полетели подбитыми лебедями на пол лоскуты белья.

Сопя и икая, водитель навалился на Амаранту. Она дернулась, но он придавил ее черные волосы к шербатым полатям.

Леонид заметно нервничал. У него никак не получалось войти в уже ослабевшее тело девушки:

– Чертовы ночные допросы...

Он стал бить Амаранту, сначала ногами, потом подвернувшейся под руку веревкой, потом обломком черенка лопаты, потом кулаком, потом опять ногами...

– Я тебе покажу, чучело огородное, как отказывать офицеру госбезопасности...

Перед ее глазами мелькнул ловко выхваченный водителем из голенища сапога узкий длинный нож, потом лица родителей, море и Испания...

...Леонид выматерился и вышел из домика. Это была их первая и последняя встреча.

В чуть душноватом мареве засыпающего летнего дня то здесь, то там зажигались огоньки летних кафе, язычки пламени маленьких плоских свечек в стеклянных оправках пронзали полумрак сумерек. Сладковатый запах распускающихся лип наполнял грудь неопознанным, но приятным предчувствием чего-то хорошего. За крайним столиком сидела высокая черноволосая девушка в невесомом светло-голубом сарафане. Она держала широкий фужер на тонкой ножке. На стеклянных стенках замерли искрящиеся пузырьки. Перед девушкой лежала раскрытая плитка шоколада и надкусанный персик.

– Григорий, – представился я, бесцеремонно подсев к незнакомке.

Она подняла на меня грустные, но удивительно теплые глаза и ответила так же коротко:

– Амаранта.

Неловкая тишина разлилась над столиком.

– Тебе что-нибудь заказать? – «ты» непроизвольно сорвалось с языка – девушка почему-то сразу же показалась мне близкой и родной, а внутри разлилось тепло и спокойствие.

Нам принесли еще бутылку шампанского, малосольную семгу, салат-коктейль и нарезанный толстыми ломтиками сыр «Тильзитер».

Амаранта отпила из фужера и отломил кусочек сыра.

Я глубоко вдохнул и откинулся на спинку кресла. Плотная черная штора неба была во многих местах изъедена молью, и сквозь дырки маленькими огоньками пробивались солнечные лучи.

Сигарета дотлевала в пепельнице, мой взгляд нечаянно упал на шею Амаранты и, поскользнувшись, покатился ниже. Девушка улыбнулась одними губами и покачала головой. А во мне уже занимался маленький пожар, после каждой порции горячего из толстой зеленой бутылки огонь вспыхивал еще сильнее, языки пламени уже лизали мой мозг.

Я дотронулся до руки Амаранты и сказал:

– Пока!

От темной стены, бегущей справа от дороги, взмахнув рукой, быстро оторвалась светло-голубая тень. Я резко затормозил и увидел знакомое лицо:

– Садись, прокатимся!

Амаранта вспорхнула на переднее сиденье и повернулась ко мне. В ее глазах сверкали озорные снежинки.

– Гриш, мне до Питера!

...И вот уже замелькали в свете фар придорожные деревни, выползающие к дороге щупальца лесов, темнее самой ночи. Амаранта непрерывно щебетала. Было видно, что у нее хорошее настроение. Время от времени она нежно касалась моего плеча.

Ее мысли прыгали с одной темы на другую, поэтому было сложно понять, что же она хочет сказать мне.

– Жизнь людей похожа на жизнь дерева. На старых ветвях берет начало новая поросль, новое поколение. Оно опирается на своих предков. Но одновременно именно оно дает родительским ветвям пищу, впитывая свежими листьями солнечный свет, влагу и воздух. Толстые сучья постепенно теряют способность плодоносить, и вот уже те, еще недавно совсем зеленые побеги взваливают на свои плечи обязанность цвести, создавать полезный продукт и давать жизнь следующим поколениям ростков. Только очень больные, загнивающие ветки не способны породить молодую поросль. Эта поросль взойдет на соседних, здоровых ветвях, а почерневшим, пустым внутри, голым сучьям останется дожидаться, когда преобразующий все вокруг ураган с печальным свистом обрушит их глубоко вниз.

– А для чего все это, вот, расти, цвести, плодоносить? – не удержался и съязвил я.

– Понимаешь, дерево не задается такими вопросами. Так устроено, заведено, что ли. И в этом есть своя прелесть. Ты видел, как выглядит весной цветущий сад? А сладкую наливную вишню ел?

Я усмехнулся и кивнул утвердительно.

– Ну вот. Ладно, попробую объяснить тебе по-другому. Представь огромную гору. У ее подножия пустынно и скучно, острые камни и серый лишайник. Что там на вершине, никто не знает, но достоверно известно, что там есть нечто иное. Все люди оказываются на склоне горы, кто-то выше, кто-то ниже, у тебя там тоже есть специальное место. В твоём распоряжении три возможных решения: карабкаться вверх, к чему-то неизвестному, но новому, другому, оставаться на месте или разжать пальцы и упасть вниз. Очень многие забывают про эту свободу выбора, некоторые же сознательно не двигаются с места – все эти люди ждут, что появится кто-то, кто потянет их за собой в ту или другую сторону. Убив в себе самостоятельность, свойство, позволяющее быть личностью, они бесцельно испаряют свои жизни, оставаясь на одном месте под жестоко палящими лучами времени. И единственно возможное для них движение – это движение вниз, когда кто-то, падая с более высокой точки, увлекает их за собой. Если упавшие остаются в живых, ничего не меняется. У них по-прежнему те же три возможных решения, за одним исключением – если выбрать путь вверх, придется сперва залезть снова на ту исходную точку, откуда они упали.

– Да, куда ни кинь – плохо, Гринь! И вверх тяжело, и вниз – больно.

Амаранта, не на шутку возмущенная моим замечанием, чуть ли не закричала:

– Ты же, вроде, умный человек. Неужели не понял, что падать вниз или сидеть на месте в любом случае бесполезно и скучно. А по пути к вершине можно многое познать и почувствовать. Это и будет жизнью. Если хочешь – еще одна аллегория, довольно известная. Жизнь – очень интересная и увлекательная игра, надо просто знать правила. Их всего девять...

– Ладно, я понял, на что ты намекаешь. Что ж, придется карабкаться...

...Мы подъехали к Исаакию и полезли по дощатым настилам на его купол.

Наш поцелуй был по-питерски влажен.

Странно, но после долгой живой ночи простыни источали все тот же волнующий запах свежести. За окном едва виднелся нарыв рассвета, и сонные птицы, поправляя свой наряд, молчаливо шуршали в листве лип.

Амаранты не было рядом, не была даже примята ее подушка.

Из сумбура памяти восстал чарующий облик черноволосой девушки в светло-голубом сарафане, ее темные, лучистые глаза рассветной красоты. Вспомнился и наш ночной разговор.

Захлебываясь нежностью, я говорил о том, как люблю ее, как совершенно иными красками налилась моя жизнь после нашей встречи, как черные и белые полосы судьбы стали золотыми и алыми. Моя речь струилась медовым ликером. Амаранта долго смотрела на меня влюбленным, но очень грустным взглядом, потом сказала:

– Ты знаешь, я всегда верила, что любовь существует. И при других обстоятельствах нас с тобой, Гриша, ждала бы счастливая совместная судьба, возможно, даже вечная и бессмертная. Ты, твои руки и губы, твои мысли и слова, твои стихи и рисунки – это вес, о чем я когда-либо мечтала. Я была бы тебе верной спутницей и опорой в твоих гражданских и духовных подвигах...

Я засмеялся:

– Какие еще подвиги?

Амаранта все так же серьезно отвечала:

– Один поэт сказал: «А разве не подвиг – жизнь честно прожить? По-моему, это не мало!» Но я не о том. Мне кажется, всему этому не суждено сбыться. И самое страшное, что, наперед зная это, я полюбила тебя и позволила тебе полюбить меня...

– О чем ты? У нас все впереди! – удивился я и прижал к себе плачущую Амаранту...

Это была наша последняя встреча...

Амаранта была непохожа на других ангелов, голубоглазых и светловолосых. Ее антрацитовые кудри не раз вызвали раздражение у сотрудников небесного аппарата.

– Ты перевоплотилась бы немного, – навязчиво советовали ей.

– У людей должна быть альтернатива! – смеялась в ответ Амаранта.

Когда она встретила в приемной Григория, он поднял на нее абсолютно бесцветные глаза. Взгляд пронзил Амаранту и устремился дальше, сквозь стеклянные стены. Люди, как правило, забывают свои сны...

2003 г.

Последний март

Когда мой друг впервые побывал в Испании и показал фотографии, сделанные простой «мыльницей», я еще не думал, что эти цветные, яркие пятна, возникшие в моем воображении, сольются в непростое безумие. Мы сидели на ненавязчивой веранде крохотного дачного домика посреди пыльных и давно некошенных среднерусских лугов, пили купленное в супермаркете испанское вино из большого картонного пакета и говорили о теплом море. Несмотря на то, что родились мы в неуютной снежной стране, у каждого из нас были темные волосы, темные глаза и необъяснимая птичья тяга на юг. Едва касаясь подробностей, Саша рассказывал мне о маленьком отеле, где он остановился, о приветливых и веселых людях, о купании на пустынном пляже и о той дали, что была видна с балкончика его номера.

Рассказ закончился замечанием о том, что на обратном пути, только сев в самолет, советские граждане неопределенного пола и возраста из тургруппы как-то быстро напились и превратились в свиней.

Поговорив еще немного о разном, мы перешли к портвейну, а затем к обычной русской забаве – катанию в нетрезвом виде на автомобиле по бездорожью. Прохладный воздух пронзал машину через открытые окна. Несколько покосившихся скирд чернело на выгоревшей пустоши. Унылый горизонт с придавленными к земле, одинокими деревьями начинался почти сразу за противоположным берегом неширокой, грязной реки. Мы вышли к воде, на затоптанный и загаженный коровами глинозем. Поеживаясь от зябкого ветра, выкурили по сигарете. Ничто не обещало нам счастья.

А правда, что русские могут выпить литр водки? – спросила меня Изабель, сидя за столиком кафе.

Мы встретились утром в книжном магазине, где я искал самоучитель каталонского языка. Самое полезное, что удалось извлечь из бескрайних стеллажей, был англо-испанский разговорник. Видя мою растерянность, симпатичная аборигенка подошла ко мне и спросила:

– Hola! ¿Puedo ayudarte?¹

Интуитивно коснувшись смысла вопроса, я ответил на уже порядком подзабытом английском. Удивительно, но молодая испанка с бейджиком уловила на лету славянский акцент и, широко улыбнувшись, сделала предположение о моем, возможно, русском происхождении. Я не стал маскироваться и традиционно прямо подтвердил ее догадку. Честно говоря, когда-то приходилось читать о крайне настороженном отношении испанцев к жителям моей бывшей родины. Обилие криминальных олигархов и шелупони помельче, закупавших оптом коттеджи и участки земли на побережье, наложило недобрый отпечаток на представления местных о России. Наверное, это было правильно. Люди, считающие ложь и алкоголь непременным условием благополучной жизни, а насилие – ключом ко всем дверям, люди, в большинстве не испытывающие ни капли сострадания к своим согражданам, «зачищаемым» доблестным государством, не заслуживают большего, чем скудная пайка и всемирное презрение.

Но на этот раз в глазах собеседницы я видел искреннюю симпатию. Последующие ее слова ввели меня в транс.

– Давайте встретимся вечером где-нибудь в центре, я постараюсь Вам помочь, – сказала она на немного более мягком, чем следовало бы, но все же очень понятном русском языке.

Видя мое замешательство, девушка продолжила:

¹ Привет! Я могу Вам помочь? (исп.)

– Я изучаю русскую литературу в университете Барселоны, постараюсь найти что-нибудь подходящее дома.

Что это было? Сочувствие к моему весьма нездоровому похмельному виду или же ...?

Так или иначе, но растерянность не проходила до вечера, поэтому я замешкался с ответом, что было с восторгом расценено как чистосердечное признание. Изабель захлопала в ладоши и позвала официанта. Мое робкое сопротивление осталось без внимания и через три минуты над сковородкой с паэльей возвышалась взмокшая матовая «Stolichnaya».

...Я опрокинул в рот третью рюмку и, не вдыхая, слизнул сладкие капельки с янтарного ломтика апельсина. Изабель, не отрываясь, смотрела на меня. Её густые, вороненые локоны почти целиком скрывали смуглую шею, оставляя на обозрение только точеную ложбинку спереди, чуть влажную и блестящую в лучах заходящего солнца, которое проникало внутрь через абсолютно чистые окна кафе. В огромных черных глазах тоже играли маленькие частички заката. Руки, совершенно необычные, непохожие на припухлые, вяловатые конечности северных женщин моего прошлого, казались очень сильными и в то же время очень хрупкими, от тугих плеч до длинных, ухоженных ногтей, покрытых ярко-алым лаком. Мне вдруг захотелось почитать стихи:

Поцелуй упал на плечи
И луна пронзает вечер.
Легкий пар над кожей гладкой...
Что-то было не в порядке.
Были битые тарелки,
На часах ломались стрелки,
Дети ёжились от страха,
Стограммовый узник плакал.
Бытность стоила немало,
Время все дрова сломало,
Но сердца спешат на встречу,
Поцелуй упал на плечи...

Еще вчера два человека были незнакомы, и вот сейчас северянин читает южанке строки на таком далеком певучем языке, и южанка сжимает от волнения накрахмаленную салфетку в теряющих бронзовость пальцах.

После стихов и половины бутылки я потерял всякую ответственность за происходящее.

– Цирк продолжится, если только Вы выпьете со мною на брудершафт.

Мне показалось, что Изабель не поняла смысла этих слов, поэтому я попытался объяснить свое предложение по-английски. И тут же возникло ощущение, что сейчас девушка встанет и уйдет прочь, в сгущающийся сумрак густой каталонской ночи, не в силах помирить любопытство и исконную католическую целомудренность. Уголки её рта чуть заметно дрогнули, пальцы выпустили салфетку и, через минутную заминку, двинулись по направлению к изящной хрустальной рюмке, еще час назад наполненной искусным официантом.

Жирная черная муха ползала прямо по тарелке с бутербродами. Но сил оторвать руки от стола уже не было. Да и какой смысл в том, чтобы прогонять её, когда еще десяток таких же

омерзительных существ с жужжанием носились под потолком. Подняв глаза, я увидел смутные очертания барменши за стойкой, но тут же вновь перевел взгляд на муху. Мой случайный собеседник продолжал вещать:

– Я тебе точно говорю, пока хоть один еврей будет сидеть там, – он, выпучив покрасневшие белки, направил грязный палец вверх, показывая на перегоревшую лампу без плафона, – русскому человеку хорошей жизни не видать. У них здесь задание такое – превращать нас в рабов. Ты посмотри – от всяких там наркомов до нынешних депутатов – большинство жида. Давай еще по сто, а?

Мне уже было все равно, поэтому, после недолгих поисков, очередной полтинник лег на стол.

– Иди, сам возьми...

Водка была местного разлива, к тому же теплая и в граненом стакане. Я ненавижу такие стаканы: если пить залпом – тошнит от вкуса содержимого, а если делить на части – от запаха при каждом глотке. Но поскольку это была уже не первая сотка, ее удалось проглотить без особого труда. Есть мухино дерьмо не хотелось, поэтому я только понюхал бутерброд с селедкой и потянулся к пепельнице за оставленной сигаретой...

«Все, хватит, пора домой» – решил я и сказал:

– Ну, на посошок...

Пожилый мужик в заношенном пальто, не любящий евреев и служивший в недалеком прошлом в вохре, а сейчас брошенный женой и работающий грузчиком на рынке, безразлично проводил меня взглядом до двери. Февральский мороз слезоточивым газом ударил по моему затасканному в бессмысленном времяпровождении сознанию. Я качнулся и опрокинулся на железные перила, впечатав в них коробку с тортом, купленную на радость домашним в самом начале вечера. Безликие и бесформенные люди двигались по бугристому ледяному тротуару с яркими пластмассовыми пакетами в руках. Громогласные девицы проскрипели новенькими китайскими сапожками, обдав меня лавиной презрения из разукрашенных плексигласовых глазниц. Я, как мог, расправил коробку с тем, что недавно было воплощением кондитерской красоты. Последний работающий фонарь еще сильнее раскачивал мою тень, скользящую по унылой, обшарпаной улице в сторону неуютного дома.

Мы шли по проспекту Грасиа. Два пряничных домика авторства Антонио Гауди взорвали меня громким пьяным смехом. Изабель тоже рассмеялась – русский спиртной дух быстро овладел ею. Уже перешедшие «на ты» (такое немного странное «ты» в ее устах), мы гуляли в разноцветных всплесках многочисленных вывесок и витрин. Высокие платаны пронзали темное пространство. Из маленького подвальчика на боковой улочке доносились ребристые, твердые звуки гитары, подобные ударам спелых градин о черепицу. Каблуки отозвались стуком по мостовому камню, Изабель закружилась в чем-то пылающем, нестерпимом, архетипическом. Замелькали упругие, крепкие ноги, взлетела осенним листопадом юбка, волосы прилипли к увлажнившемуся лбу. Все быстрее, быстрее и яростнее. Не на жизнь, а на смерть. Перед глазами, как в картонном калейдоскопе из потерянного детства, возникали и распались яркие фантасмагоричные узоры из карминного шелка, угольных локонов, изумрудной листвы и охристой кожи.

Я сильно затянулся сигаретой и присел на теплый бордюр. Изабель, синкопно дыша, примостилась рядом. Ее волосы упали мне на плечо.

В воскресенье Изабель не работала, и, хотя ей надо было готовиться к докладу по творчеству Достоевского, согласилась на прогулку по окрестностям Барселоны. Мы взяли в прокате маленький автомобильчик и вырвались из уже порядком разогретой жаровни города. Машина была совершенно послушна, и не было необходимости стесняться в обращении с педалями.

«Какой русский не любит быстрой езды!» Какой русский не любит... Глядя на красивое лицо спутницы, я начинал замечать в себе странные, казалось бы, давно уже запертые в тесные склепы обыденности, мысли. Нет, это не было простым желанием, это было чувством притяжения холодной и твердой планеты к огненной, кипящей звезде.

Через час наш автомобиль остановился у густой апельсиновой рощи, бархатными складками взбирающейся на горный склон. Под ногами попадались мелкие камешки, но мы все же сняли обувь и босиком вошли в ароматную, прохладную сень.

На небольшой полянке из пакетов были извлечены тапасы и бутылка тернового ликера.

– Я горжусь тобой и собой тоже, – лукаво улыбнувшись, сказала мне Изабель в маленьком магазинчике, куда мы заехали по дороге, – но давай больше не будем пить водку.

Солнце играло сквозь листву, пуская своих зайчат на наши головы и лица. Вчера мне показалось, что мой испанский друг, как путник, после долгого пути по выжженной пустыне вышедший к роднику, никак не может напиться рассказами о далекой северной стране. Вот и сейчас она спросила, а кто же есть на самом деле нынешний российский президент? Who is mister Putin?

Я сидел, сжав до побеления кулаки. Очередное законодательное новшество федеральной власти практически полностью лишало меня средств к существованию. Заздравные рассуждения о снижении налогов на деле обернулись новыми поборами. Бухгалтер Галя исписывала десятую ручку, заполняя бесконечные простыни деклараций и отчетов.

Пять лет назад, начиная свое дело, я, глупый мечтатель, верил, что изможденная страна навсегда стала свободной, и поверженная гидра номенклатуры никогда больше не поднимет свои поганые головы.

Внешне многое оставалось прежним: и мозаичность магазинных прилавков, и скромные доходы граждан... Но уже исчезли с экранов телевизоров честные глаза демократов первой волны, растворились в куче приевшихся, благонадежных рыл, в холодном свете суровых чекистских глаз. Впервые дома всю зиму было холодно, а платить за квартиру приходилось в два раза больше. Уже таскали по судам журналистов независимых газет, ставших в одночасье малочисленными и малотиражными.

За окном, в кромешности февральской пурги чудищем из напрасно забытых видений вставали плотные ряды в военной форме и в одинаковых серых костюмах, ряды бюрократов-мздоимцев и озверевших армейских командиров. Горели книги, нежные души и самостоятельные мысли...

В какой-то момент я подумал, что скоро, когда вопросы о России иссякнут, кончится и интерес ко мне, а отчуждение и никчемность вновь возведут стены ледяной тюрьмы одино-

чества. Но Изабель, выслушав мои печальные повествования, вдруг попросила почитать ей стихи.

Оступился и упал,
Наповал.
Не заметили меня —
Толкотня.
Вытекает пустота
Изо рта.
Помогите, кто-нибудь!
Не вздохнуть...
Да вот только я не тот —
Идиот!
Всем всегда был поперек
Мой упрек.
Поиграйте, как мячом —
Не прощен.
Нарисует мой предел
Белый мел...

Изабель вторила мне стихотворением «Memento» Ф. Г. Лорки.

– Это тоже о смерти и одиночестве, – пояснила она...

Мы еще долго вели диковинную переключку душ, говорящих, на самом деле, на одном и том же языке. Потом Изабель внезапно остановилась и спросила:

– Как ты думаешь, что должны делать люди, чтобы жить вместе долго-долго и не мучить друг друга?

– Наверное, каждому надо нащупать свой путь и не сходить с него. Делать то, что ты должен делать в этой жизни – ведь человек всегда чувствует себя неуютно, когда попадает в чужую колею. И при этом обязательно радоваться верному пути любимых, согревать их души своим теплом, дарить добро и нежность. Если людям по дороге – все это будет легко. Они приедут в апельсиновую рощу, будут читать друг другу стихи – не важно, свои или чужие – и могучее море заступится за их союз перед Богом, там, на небесах...

Можно было не продолжать. Изабель смотрела, улыбаясь как-то по-особому, и по ее глазам я прочитал, что она поняла меня.

Сырой и промозглой мартовской ночью я ехал в такси на вокзал. Мерцающие полусгоревшим неоном вывески на бесцельно дорогих магазинах казались такими неуместными и даже эпатажными посреди убогости пейзажа, вобравшего в себя извечную тягу дураков к прямым линиям и матерщинное, неопрятное естество раскулаченной босяцкой деревни. Последней тысячи рублей хватило, чтобы купить билет. Грязный поезд, с выбитыми стеклами и обледевшим, прокуренным тамбуром, пахнущим мочой и перегаром, скрипя и причитая принял меня в свое отвратительное чрево. Целлюлитная проводница, дохнув чесноком, забрала билет и сунула мне в руки серую кучку постельного белья. Впереди были еще целые сутки дороги, и я сразу же лег на верхнюю полку. Соседи всюю храпели, на столе пустая бутылка позвякивала вместе с облокотившимся на нее стаканом.

Весь следующий день я не мог найти место своим глазам, искавшим вокруг хоть малейший намек на веру, надежду, любовь. Внизу булькала размеренная ритмичная беседа, вместе со стуком вагонных колес создававшая впечатление сюрреалистического среднерусского рэпа.

– В советское время я работал технологом... Так Вы знаете, на все хватало, мы с семьей на юг каждый год по путевке, зимой опять же в профилакторий, на лыжах там, водочки... Заботились о людях, да...

– А я в те времена экономистом был на заводе. Порядку намного больше было, нам план спускали – мы его в разбивочку, по цехам – и ведь великой страной были, людьми себя культурными чувствовали...

«Да уж, план в разбивочку – вот и все экономика. Сапожник без сапог...» – хотел я связwitz, но мысли упорно оттаскивали меня от реальности...

Изабель жила в аккуратном двухэтажном домике. Мы поднялись по лестнице наверх и, миновав высокую крашеную дверь, оказались в чистой, небольшой комнате, отделенной от кухни занавеской с забавным рисунком: маленький пушистый котенок, неуклюже подпрыгнув, пытался поймать огромную бабочку. Вдоль стены тянулись стеллажи, пестрящие корешками книг, среди которых во множестве попадались русские имена и заглавия. Пушкин, Бунин, Булгаков, Гумилев, Пастернак, Бродский, Высоцкий, Толстая, Достоевский, Есенин – вся моя Россия умещалась здесь, в этой уютной обители молодой каталонки.

– Библиотеку собирал мой папа, он утонул десять лет назад во время рыбалки, – сказала Изабель и опустила глаза.

У меня тоскливо, как бездомный щенок, задрожало сердце. Я вспомнил своего отца, всегда желавшего мне стать оптимистом и относиться ко всему с большей долей юмора. Ему это не помогло – неблагоприятная русская жизнь наступила на горло железной гусеницей, гусеницей трактора, собранного и теми, кто думал, что любит моего папу, и теми (а их было гораздо больше), кому в их злой и завистливой к чужим искрам таланта жизни он был помехой. Отец хотел вырастить свое дерево на окаменевшей от векового горя земле, но путь оказался слишком труден.

В квартире был балкончик, выходивший на узкую улочку, мощеную известняком, изгибающуюся во все стороны и спускающуюся к морю. Внизу, выставив из своих дверей высокие плетеные стулья, сидели пожилые испанцы, неподвижно глядя вдаль или читая газеты на пока еще диковинном для меня языке. В воздухе пахло свежей рыбой и чем-то слегка горьковатым. Изабель подошла ко мне, дотронулась до плеча. Я посмотрел в ее глаза и утонул в них...

На небе показалось весеннее солнце и сразу же засверкало яркими переливами на бескрайней водной поверхности. Железнодорожное полотно проходило вдоль побережья, и я с неонатальным восторгом целовался взглядом с морем. Небольшие, стройные ряды волн продолжали внеисторическую вахту, настойчиво лаская краешек земли. Вспомнился рисунок из детской книжки: тигренок сидит на пирсе и смешно рассуждает о воде и суше. Серое небо, словно железный занавес, где-то вдалеке обозначало границу.

Постепенно море скрылось из вида, и вскоре состав остановился на конечной станции, на моей конечной станции. Стараясь не держаться за склизкий поручень, я спустился на платформу. Городок, такой же серый, как и все остальные, еще не проснулся, и сонное марево заволакивало улицу. Вывернув бумажник, я подошел к зевающему таксисту.

– Шеф, давай к морю...

Водитель как-то странно бросил взгляд в мою сторону, но промолчал.

Дребезжа и скрипя тормозами, такси остановилось у парапета. Зима не смогла навести марафет на монументально загаженном пляже. Гладкие камни вперемешку с мусором похрустывали под моими ботинками. Я спустился к полосе приборя и расстегнул куртку. Последняя сигарета сломалась в кармане и ее пришлось выбросить. Снял часы и шапку. Дрожащие в зябком сыром воздухе руки с трудом расстегнули брючный ремень.

Несколько минут постояв с зажатым в побелевших от внезапного страха пальцах мобильным телефоном, я положил его на сложенную небрежной горкой одежду. Батарейки сели еще вчера, в поезде, да и звонить было некому. Потом, передумав, швырнул трубку в воду.

Шаг в набежавшую волну отозвался сотней острых металлических булавок, вошедших в мои ноги. Волна отбежала, затянув ступни грязновато-желтым песком. Пройдя вперед, до места, где вода достигла края трусов, я выдохнул и погрузился в холодную соленую муть. «Гибралтар, Лабродор...» – крутились внутри меня слова глупой бутусовской песенки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.